

Форум «Петербургский диалог» Что такое популизм?

Уважаемые дамы и господа,

Перефразируя Карла Маркса, можно сказать: «Призрак бродит по Европе – призрак популизма».

Я бы даже конкретизировал это высказывание: речь идёт о призраке дискуссии о популизме, в рамках которой размытое понятие популизма превратилось, по словам политолога **Оскара Нидермайера**, в «инфляционно используемый инструмент политической борьбы».

Что меня пугает не меньше самого феномена, так это уровень дискуссии – в данный момент дебаты ведутся где-то на уровне плитуса. Достаточно вспомнить последнее высказывание берлинского политолога **Херфрида Мюнклера**: «Большинство людей – дураки!»

Сегодня многие даже склонны согласиться с исследовательницей популизма, мастодонта в своей отрасли, бельгийской политологом **Шанталь Муфф**, которая полагает, что «за подобными высказываниями скрывается намерение исключить популистские движения из дискурса истинной демократии». Ведь, по словам журналиста газеты FAZ Харальда Штауна, «всё равно бесполезно вести дискуссию с закостенелыми с интеллектуальной точки зрения людьми». А по утверждению политолога Ханса-Георга Бетца популизм является «всего лишь стратегией для разжигания скрытых или явных обид с целью наращивания политического капитала».

Конец дискуссии!

Получается, что даже дебаты на тему популизма уже приобрели популистские черты. Да и вообще – говорить на данную тему многие считают исключительно неблагоприятным занятием.

Либо всё скатывается к дискуссии, не особо претендующей на роль интеллектуальной, либо – что ещё хуже – выступающий оказывается меж двух огней представителей разных политических лагерей, которые тут же клеймят словом «популистский» любые попытки непредвзято подойти к теме популизма.

В Германии данная тема находится «**в зоне карантина общественного дискурса**», по словам одного из журналистов газеты FAZ.

При подготовке данного доклада я был поражён тем, насколько дискуссии на данную тему в Германии эмоционально заряжены и бессодержательны по сравнению с другими европейскими странами, в которых популистские движения возникли намного раньше и уже давно представляют большую угрозу существующим партиям.

В то время как в Германии правый популизм часто рассматривается лишь как **облегчённая версия правого экстремизма**, многие европейские наблюдатели – в частности, британский журналист Энтони Пейнтер близкий к партии лейбористов – считают популизм «**легитимной формой демократического противостояния**».

На протяжении вот уже нескольких лет мы сталкиваемся с удивительным многообразием партий и движений, которые в узком или широком смысле

слова можно назвать популистскими. Они давно уже перестали быть периферийным феноменом, что послужило основанием для высказывания бывшего конституционного судьи ФРГ Ханса Хуго Кляйна: «Демократия находится в стрессовом состоянии».

Неважно, говорим мы о партии «**Альтернатива для Германии**» AfD в ФРГ или о «**Национальном фронте**» во Франции, о Герте Вилдерсе и его «**Партии свободы**» в Голландии или о «**Лиге Севера**» в Италии, о «**Партии независимости Соединённого Королевства**» в Великобритании, о «**Швейцарской народной партии**» SVP, «**Австрийской партии свободы**» FPÖ, партии «**Право и справедливость**» в Польше или партии «**Фидес**» в Венгрии.

Все эти партии объединяет направленность против действующей политики, воспринимаемой как самовластие, и неприятие Европейского союза, который отождествляется с Брюсселем.

Политологи предприняли попытку описания основных черт данного феномена, фокусируясь при этом, прежде всего, на понятии правого популизма. Это значит, что популизм, в первую очередь, воспринимается как разновидность правых движений, что, правда, не выдерживает никакой критики с эмпирической точки зрения. Достаточно вспомнить о латиноамериканской версии социального популизма **Хуго Чавеса**. Или о партиях «**Подemos**» в Испании и «**Сириза**» в Греции. Или о мыслительнице левой направленности **Шанталь Муфф** и аргентинском политологе **Эрнесто Лакло**. Каковы же основные черты, присущие популистским и, в особенности, правым популистским партиям и движениям?

1. Популизм нельзя воспринимать как явление, возникающее исключительно в условиях экономического кризиса, или как проявление социального раскола общества, хотя часто проводятся параллели между данным феноменом и страхом за будущее, свойственным представителям нижнего и среднего классов.
2. Популизм – это не программа и не мировоззрение. Это, скорее, форма политического конфликта и методика приобретения политического веса.
3. Для популизма характерен определённый политический стиль и определённая форма политической инсценировки.
4. В основе популизма лежит «тонкая идеология» (по формулировке голландского политолога Каса Мудде) – идеология, для которой типичны определённые базовые утверждения.
5. В центре внимания популистских партий находится противостояние между народом и оторванными от реальной жизни народа политическими элитами, против которых необходимо восстать. **По сути, это и есть основа риторики популистов.** Популисты считают себя **рупором народа**, представителями простых людей (**plain people**) или людей, оказавшихся на задворках общества в результате глобализации (**forgotten men**).
6. Народ, при этом, часто рассматривается как гомогенная масса – как с этнической, так и с социальной точки зрения. Интересы отдельных групп общества отодвигаются на второй план.

7. В отличие от народа, политический класс рассматривается как «зарвавшийся», оторвавшийся от реальности, как глобальная каста, преследующая исключительно собственные интересы. Действующая политика, таким образом, трактуется как часть заговора элит.
8. Среди популистов практически всегда встречаются харизматичные лидеры, призывающие к прямой демократии.
9. Частью популистской риторики является также жёсткое отграничение от всего иного – чужой религии и культуры. Поэтому ключевыми темами популистов являются исламизм и миграция.
10. Одним из основных врагов популисты считают наднациональные образования – такие, как ЕС. **Часто можно услышать слоган «предатели из ЕС против представителей народа».**

Таким образом, можно говорить об определённой парадигме мышления, типичной для всех популистских движений – какими бы разнообразными ни были отдельные партии и их общественное окружение.

И, тем не менее, мне кажется, что в ходе подобного анализа «Божий дар путают с яичницей». Формируется идеальный прототип, в понятийные рамки которого пытаются загнать самые разнообразные формы проявления популизма.

Давайте же более подробно остановимся на отдельных популистских партиях Европы:

1. **«Национальный фронт»** во Франции – одна из старейших партий данного направления. В данный момент происходит практически беспрепятственный рост влияния этой партии, превращающий её в одну из ключевых политических сил страны. Она во многом определяет ход текущей предвыборной кампании. С середины 90х «Национальный фронт» взял на себя «функцию трибуна» (**fonction tribunicienne**), открыто высказывая политическое несогласие с действующей политикой. Тем самым, этой партии удалось привлечь в свои ряды гораздо больше потенциальных избирателей, чем левым радикальным партиям. В центре внимания «Национального фронта» - тема идентичности, поэтому вопросы миграции имеют большое символическое значение для данной партии. Точно так же, как и страх экономического упадка среди представителей среднего класса, чувство социального расслоения, финансовые сложности и потеря общественного статуса. **«Национальный фронт» представляет собой классическую популистскую комбинацию из ксенофобии и страха экономического упадка.** Проще говоря, «мигранты угрожают нашему благосостоянию, а правящему классу на это наплевать».
2. **«Партия независимости Соединённого королевства»** (UKIP) за последние годы также добилась значительных успехов, крупнейшим из которых, на данный момент, является выход Великобритании из состава ЕС («брекзит»). В риторике данной партии также ярко выражен страх людей, выброшенных на задворки общества – старшего поколения рабочих и трудяг, которым не хватает квалификации для полноценного участия в современной постиндустриальной экономической жизни – в комбинации с

отрицанием постмодернистских ценностей и страхом потери национальной идентичности. Риторика «Партии независимости Соединённого королевства» направлена против мигрантов и ЕС. Во главе UKIP – как и в случае с «Национальным фронтом» – стоит одарённый демагог – **Найджел Фараж**. При этом ключевым фактором является то, что обе партии возникли в ответ на реально существующий социальный раскол в обществе, который за последние десятилетия значительно увеличился. Поэтому правопопулистское клише о правящем классе, отгородившемся от народа, в данном случае, является очевидным для всех фактом, а не просто риторической фигурой. В добавок к этому, во Франции и Великобритании есть одна особенность: шансы на успех распределяются в этих странах по географическому принципу. «Партия независимости Соединённого королевства» получает поддержку в регионах, населённых людьми, несколько выпавшими из современной жизни и живущими в соответствии с традиционными устоями. Книга пастуха **Джеймса Рибэнкса** о повседневной жизни в Озёрном крае неожиданно стала настоящим прорывом на книжных рынках мира.

3. **Противоположный пример:** Несмотря на то, что финансово-экономический кризис ударил по Испании сильнее, чем по многим другим странам ЕС (высокий уровень безработицы, потерянное молодое поколение), здесь практически отсутствуют правые популистские движения. Зато сложилось левое популистское движение «**Подemos**». Кстати, в Португалии ситуация выглядит идентичным образом. В обеих странах высок уровень иммунитета к правому популизму. Тому есть исторические причины. Похоже, память о прошлом под предводительством Франко является «достаточно сильной прививкой против правых популистов» (по словам Кармен Гонзалез-Энрикез из НИИ Real Instituto Elcano в Мадриде). К этому добавляется ярко выраженное недоверие к националистическим высказываниям, что связано с ярко выраженной национальной идентичностью басков и каталонцев. Тем не менее, «Подemos» является типичной популистской партией, которая «привносит сентиментальность» в политику, как подметил испанский философ **Мануэл Ариас Мальдонадо**. Её представители разжигают страхи и неуверенность и пытаются использовать оба эти чувства в собственных интересах. Мальдонадо полагает, что популизм – в том числе, и левый – представляет собой не идеологию, а **стратегию прихода к власти**.
4. Абсолютно по-другому обстоит ситуация с партией «**Лига севера**» в Италии, успех которой объясняется решительными высказываниями о распределении благ в стране: трудолюбивые северные итальянцы трактуются как жертвы центральной части государства и политики перераспределения благ в пользу ленивых и коррумпированных южных итальянцев. С точки зрения представителей данной партии, Рим выступает в роли «сороки-воровки». Харизматичным лидером партии «Лига севера» был Умберто Босси, наследник которого – **Маттео Сальвини** – ни в чём не уступает своему предшественнику.

Несмотря на то, что Сальвини пытается найти общий язык с «Национальным фронтом», «Лига севера» в отличие от Франции выступает вовсе не за интересы экономически слабых регионов Италии. А совсем наоборот.

5. «**Партия свободы**» Герта Вилдерса возникла не в результате исторически сложившегося социального или географического раскола общества. Это, в первую очередь, современный медийный феномен, хотя большинство приверженцев данной партии и являются представителями рабочего класса и нижней части среднего класса.
6. Польская партия «**Право и справедливость**» также возникла не в результате социального раскола общества. Напротив: «Чем выше становились уровень благосостояния и уровень демократизации страны, тем сильнее партийная направленность смещалась от авторитарного социал-популизма, в центре которого находились экономически слабые представители общества, к всё более жёсткой национал-католической идеологии, основу которой составляет всеильное национальное государство как хранитель норм и взглядов общества».
7. «**Швейцарская народная партия**» - это национал-консервативная и экономически либеральная партия среднего класса, пользующаяся поддержкой далеко за пределами сельских регионов страны, где она изначально возникла. За счёт избирателей социал-демократической партии «Швейцарской народной партии» удалось расширить своё влияние на представителей рабочего класса, живущих в городах.
8. Особенности «**Датской народной партии**», направленность которой сместилась от протестов против налоговой политики в сторону правого популизма, также можно понять лишь в контексте исторического развития самосознания этой небольшой страны. За последние годы риторика данной партии приобрела ярко выраженные националистические черты, что можно объяснить лишь особенностями национальной системы Дании.
9. Совершенно самобытными являются феномены предпринимательского популизма **Андрея Бабиша** в Чехии и
10. Национального популизма партии «**Фидес**» Виктора Орбана в Венгрии. В отличие от «тонкой идеологии» западноевропейского правого популизма, венгерский национал-популизм имеет под собой солидную основу из национализма, религии, социал-консерватизма, государственного капитализма и контроля над СМИ. «Орбанизму» удалось обогатить и расширить российскую путинскую модель за счёт специфической венгерской национальной идеологии.
11. В случае с «**Австрийской партией свободы**» также можно говорить о ярко выраженной правой и даже праворадикальной идеологии. Стремление найти сильного лидера – такого, как Йорг Хайдер – однозначно уходит корнями в прошлое, во времена австрийской монархии, сословного государства, национал-социализма и недостаточного перевоспитания после 1945 года. В случае с Австрией даже можно говорить об определённой идеологической преемственности.

12. Партия «Альтернатива для Германии» изначально возникла как неолиберальная партия протеста против евро и Европейского союза и лишь через некоторое время постепенно начала брать на вооружение праворадикальные идеи. Тем не менее, «Альтернатива для Германии» отличается от «Национального фронта» или «Партии независимости Соединённого королевства», если посмотреть на её приверженцев. Согласно результатам последнего исследования Кёльнского института немецкой экономики, большая часть приверженцев партии «Альтернатива для Германии» является представителями среднего класса – чувство неуверенности представителей среднего класса и послужило причиной возникновения данной партии. Таким образом, она вовсе не является рупором социально слабых слоёв населения или левого рабочего класса, который всё чаще поворачивается спиной к социал-демократическим партиям по всей Европе.

Уже даже по этому краткому обзору становится ясно, насколько сложно рассматривать различные протестные движения в Европе в рамках понятия «правый популизм» или просто «популизм».

Уважаемый господин Платцек, я ни в коем случае не хочу Вас обидеть, но даже выступления господина Шульца можно рассматривать как популистские в широком смысле этого слова. Его политика является своего рода левым популистским ответом на политику прагматиков и технократов из «Большой коалиции», склонных к «безальтернативности».

В риторике Шульца встречается чёткое позиционирование – «мы» против «них». Используемый им подход рассчитан на приход к власти. Очертания его программы довольно размыты, идеологический фундамент – тонок. Зато сильны ожидания его однопартийцев, которые поставили всё на фигуру Шульца в надежде, что он станет той самой панацеей, которая поможет вывести партию из многолетней череды неудач. Вот только показатели в 100%, в каких бы условиях они ни возникали, имеют мало общего с репрезентативной демократией. Удивительно здесь то, что Шульц – вовсе не бунтарь из низов. Напротив, он – видный представитель брюссельской элиты власть имущих и функционеров. При этом я не говорю, что Шульц – это отрицательное явление или явление сомнительного свойства. Я думаю, что Мартин Шульц – это ответ левых популистов на политику, которая в результате деятельности партии «Альтернатива для Германии» уже приобрела ярко выраженные правые популистские черты.

Если бы феномен Шульца не возник для нас столь внезапно и если бы мы не обсуждали его со столь свойственным нам чрезмерным самолюбованием, мы бы заметили, что фигура Мартина Шульца легко встраивается и в общеевропейские дебаты, в рамках которых часто звучат призывы к поиску левого популистского ответа на неолиберальную политику последних десятилетий.

Ведь в большинстве европейских стран правые популистские партии возникают не на волне противостояния консервативным гражданам, они однозначно **отбирают голоса классических избирателей у социал-демократов.**

Политолог Шанталь Муфф ответила на напрашивающийся сам собой вопрос газеты «Зюддойче цайтунг»: почему недовольные представители

рабочего класса перестали консолидироваться вокруг левых партий? Я хотел бы процитировать её ответ, так как он является собирательным по отношению к огромному количеству схожих «диагнозов»: «В этом виноваты, прежде всего, сами социал-демократические партии, которые не могут сформулировать альтернативы неолиберальному капитализму и глобализации».

В отличие от Германии, где у понятия популизм существует однозначная негативная коннотация, в других европейских странах популизм обсуждается в контексте демократического процесса перераспределения сил и рассматривается как «шанс на новую демократическую открытость».

Британский журналист Энтони Пейнтер близкий к партии лейбористов считает, что популизм – «не обязательно правый феномен». Бeppe Грillo из левого итальянского движения «Пять звёзд» даже открыто признался: «Мы – популисты, и мы этим гордимся».

Шанталь Муфф говорит, что популизм – это классический пример желания граждан принимать участие в жизни общества. Благодаря популизму у людей вновь появляется «возможность высказаться, трибуна для высказываний и чувство того, что их слышат». Таким образом, выходит, что единственный способ борьбы с правым популизмом – это левый популизм. Французский социалист Лорен Бомель, депутат Национального собрания, основавший группировку **Gauche Populaire**, считает популизм политическим криком о помощи. Прогрессивные силы «должны, наконец, признать, что успех популистов является выражением огромной политической неуверенности европейских обществ».

Повсюду мы наблюдаем всё растущую пропасть между победителями и проигравшими в результате глобализации, между городскими элитами и «выброшенным на обочину жизни» населением отдалённых, непромышленных регионов. Хотя прекращение борьбы с протагонистами ксенофобских и антисемитских идей недопустимо для левых, Бомель считает, что моральное осуждение избирателей правых популистских партий неэффективно. Оно лишь усилит пропасть, которая и так является одной из основных причин успеха популистов.

Немецкий социолог Эрнст Хиллебранд из Фонда Фридриха Эберта вторит ему: «Постоянная делегитимация волнений, эмоций и забот «маленьких людей» привела к тому, что отчуждённость от социальной демократии уже практически вошла у них в привычку».

Эта дискуссия по тону и приводимым аргументам кардинальным образом отличается от ведущейся в Германии дискуссии с партией «Альтернатива для Германии», нападкам которой подвергаются, первую очередь, христианские демократы и Ангела Меркель.

При этом, безусловно, нельзя забывать о национальных различиях. Так, выборная динамика «Национального фронта» основывается на собственной социологии и на собственной географии, как пишет французский публицист Кристоф Гиллюи в книге «**La France périphérique**», которая считается одной из ключевых книг политической направленности во Франции, но так и не была переведена ни на один язык мира. По его словам, социология популизма – это «социология новых нижних слоёв», а география популизма – это география периферийной Франции. Социология разрушила картину общества среднего класса и

поставила под вопрос миф об удавшейся глобализации. А география Франции обнажила глубочайший раскол между глобализированными метрополиями и отдалёнными регионами на периферии страны. Проблемными зонами современной Франции являются не пригороды крупных городов, а обескровленная провинция.

Хотя последние слова и относились к Франции, в них прослеживается и несомненная параллель с Германией. Неслучайно наибольшего успеха партия «Альтернатива для Германии» добилась в федеральной земле с самой непростой социальной ситуацией, в которой происходит постоянный отток населения из сельской местности и небольших городов, – в Саксонии-Анхальт. Но я хотел бы предостеречь Вас от механического сужения перспективы до уровня проигравших в результате модернизации. Аргументом против данного тезиса служит тот факт, что среди избирателей партии «Альтернатива для Германии» преобладают представители среднего класса. Для многих сторонников данной партии речь идёт о сохранении родины. Они хотят, чтобы родина воспринималась не только как «самое прекрасное слово для выражения отсталости».

Бывший судья Конституционного суда ФРГ **Ханс Хуго Кляйн**, которого я уже цитировал выше по тексту, говорит: «Популизм и радикализм процветают тогда, когда находит распространение чувство, что твой дом везде и нигде одновременно».

Одной из закономерностей процессов модернизации является тот факт, что они почти всегда сопровождаются романтическими контрпроектами. Мы знаем, что такие контрпроекты могут возникнуть, поэтому нет нужды в их постоянной деконструкции. Но они помогают преодолевать психологические последствия изменений.

Люди – не «витающие в свободном пространстве индивиды идеологии элитарного либерализма», как утверждает **Дэвид Гудхарт**, руководитель леволиберального аналитического центра «Демос» в Лондоне. «Они являются частью сообществ и семей, часто воспринимают изменения как поражение и несут на себе целую иерархию моральных обязательств».

Позвольте привести один пример:

«Брекзит» - результат популистской политики, приведший, на данный момент, к наибольшим последствиям – безусловно, можно трактовать как негативное явление с точки зрения жителей Лондон-Сити или молодых образованных британских практикантов в Европарламенте. Можно рассматривать «Брекзит» в исторической перспективе и объяснять его старым-добрым скептицизмом британцев по отношению к Европе.

А можно найти «брекзиту» и сентиментальное объяснение.

Задолго до проведения референдума о выходе Великобритании из состава ЕС в Лондоне была издана книга пастуха Джеймса Рибэнкса, посвящённая его жизни в Озёрном крае, гористой местности на территории Соединённого Королевства, где его семья живёт уже на протяжении нескольких поколений. Рибэнкс рассказывает об архаичной местности, о кровной связи людей с природой, о тяготах жизни в горах и о трудолюбивых людях «от земли».

Автору удалось удивить жителей мира финансовых рынков, товаропотоков и постановлений ЕС. Книга стала бестселлером в Великобритании.

При этом нужно понимать, что Джеймс Рибэнкс – вовсе не чудаковатый пастух из глубинки. Он отвечает на аргументы оппонентов точно выверенными фразами, чувствует себя как дома во всех социальных сетях и является счастливым обладателем диплома Оксфорда. Но всё это не умаляет успеха его книги.

По немецкому телевидению показывали интервью с Рибэнксом: он стоит на фоне холмов Озёрного края и рассказывает о своей самобытной жизни, которую он не готов отдать в руки анонимных бюрократов в Брюсселе.

Это тоже является частью его популистского послания: **у нас есть право на самобытную жизнь с собственными традициями.**

Это те же самые аргументы, которые используют противники джентрификации, пытаясь противостоять тому, что исконно принадлежавшие им кварталы теперь превращаются в стерильные районы класса люкс, в которых больше не находится места низкоквалифицированным группам населения из неблагополучных семей. По крайней мере, не находится места, которое они могли бы себе позволить. Энтони Пейнтер говорит в данном контексте об отсутствии чувства эмпатии у представителей элит. А также о провале политики мейнстрима, в результате чего возникает реальный спрос на партии, которые занимались бы такими темами, как угроза западным ценностям, миграция или последствия экономических изменений.

Признавать тот факт, что подобные темы могут и должны вызывать «настоящую озабоченность», по словам Пейнтера, вовсе не означает «принятия радикальных тезисов правых популистов».

Ещё конкретнее в своих высказываниях оказывается голландец Рене Куперус, который руководит аналитическим центром при рабочей партии.

Он говорит о «панъевропейском кризисе доверия к представителям власти», истоки которого следует искать в социоэкономической действительности. Кстати, этот кризис является «культурным феноменом», сложившимся не в кризисных регионах Европы, а в таких благополучных странах, как Австрия, Дания или Фландрия.

Выходит, что вопрос культуры не менее важен для понимания феномена популизма, чем социальный вопрос. Тем более что в обществе эпохи позднего модерна явно начинается превращение социального вопроса в вопрос культуры.

В выступлениях популистов снова и снова всплывает термин «столкновение цивилизаций». Популисты используют его для того, чтобы предупредить об иностранном засилье Европы, прежде всего, представителями исламской культуры. Однако, предположительно, речь тут идёт не о столкновении цивилизаций в уже набившей оскомину терминологии Хаттингтона, а о столкновении культурных стилей или о «конflikте двух противоположных культурологических устремлений», если пользоваться несколько тяжеловесной терминологией социологов (Андреас Реквитц). По одну сторону находится стремление к открытому самоопределению в духе плюрализма, а по другую – приверженность закрытым сообществам с собственной идентичностью.

Недавно американская соул-певица Алиша Киз послужила прекрасным тому примером, опубликовав в своём Твиттер-аккаунте фотографию женщины в чёрном никабе и юбке с высоким разрезом и балетках.

Фотография сопровождалась подписью: «Наша сила в разнообразии. Мы так прекрасны...» Певица тут же подверглась яростной критике со стороны всех тех, для кого одежда, скрывающая лицо, является главным символом притеснения женщин.

Столкновение цивилизаций, таким образом, уже давно превратилось в противостояние открытого и фундаменталистского восприятия культуры. Именно это объясняет странные альянсы, ставшие возможными между популистами.

Я не хочу останавливаться на этой теме более подробно. Но вопрос о культурной переносимости современного миграционного общества входит в основной репертуар популистов.

Последняя часть моего краткого обзора будет посвящена вопросу **теории демократии**.

А именно вопросу о том, означает ли рост популярности популизма **кризис репрезентативной демократии** или нет? Популисты как мантру повторяют слова о том, что пропасть между простым народом и его политическими представителями постоянно растёт. Они говорят, что политическая власть находится в руках правящей касты, не понимающей потребностей и интересов простого человека и представляющей интересы лишь незначительной части населения, а не большинства.

Можно спорить о том, насколько подобное сужение спектра мнений и вправду существует, насколько «политически-журналистский мейнстрим» (так называется книга журналиста из Лейпцига Уве Крюгера) и вправду определяет правила игры общественного дискурса и манипулирует им.

Но гораздо важнее тот факт, что у всё большей части населения – по крайней мере, правой направленности – складывается ощущение, что это так.

Завсегдатаи политической элиты оказываются в изоляции, они – по удачной формулировке политолога Вернера Патцельта из Дрездена – начинают играть роль крокодила, персонажа кукольного театра, которого все бьют и прогоняют из компании.

Патцельт говорит о «**пробеле репрезентации**» в нашей парламентской системе. Его наблюдение также разделяет социолог **Хартмут Роза** из Йены.

Хартмут Роза отмечает растущее чувство отчуждённости в обществе эпохи позднего модернизма. Если «люди в эпоху позднего модернизма чувствуют себя чужаками в собственном мире – а такова ситуация не только в Германии, но и в Париже, и в Афинах, и в Мадриде, и в Рио, и в Стамбуле – это значит, что демократия перестаёт быть резонансной сферой общества».

Место политического дискурса останется занято только протестным выкрикам озлобленных граждан или насмешкам **комедиантов**.

«Граждане эпохи позднего модернизма от безысходности смеются над политикой, которая больше не отвечает на их запросы и которой попросту больше нечего сказать», критично заявляет Хартмут Роза.

Я мог бы процитировать много подобных высказываний. Например, ирландского социолога **Петера Мэйра**, который говорит о «размывании основ европейской демократии». Его диагноз звучит следующим образом: «Европейские демократии больше не предоставляют значительному числу

граждан возможности участия в жизни государства в достаточной степени и не являются в их глазах репрезентативными».

Французский историк **Пьер Розанвалон**, преподающий в Коллеж де Франс, уже давно указывал на то, что растущая разнородность современных обществ станет проблемой для представителей общества в демократических странах.

Что меня больше всего сбilo с толку во время знакомства с различными текстами за последние несколько дней, так это то, насколько сильно современные исследователи демократии подкрепляют главный тезис популистских партий о растущей пропасти между гражданами и их представителями и о глубоком кризисе легитимации, в котором пребывает парламентская демократия.

Репрезентативная функция находится под ударом не только в сфере политики. Так, классические СМИ уже давно потеряли свою репрезентативную роль. Достоверность в эпоху цифровых технологий выстраивается не по иерархическому принципу, а по **когортному принципу среди равных. Правда – то, что большинство считает таковой!**

В данный момент западные демократии в болезненной форме узнают, что существующих репрезентативных механизмов явно недостаточно для формирования политической воли в эпоху постмодерна.

Болгарский политолог **Иван Крастев** говорит, что мы становимся «свидетелями структурного конфликта между элитами, рассматривающими демократию со всё растущим недоверием, и гневными избирателями, которые всё чаще становятся антилиберальными».

В российских СМИ – и тут я подхожу к концу своего обзора – с большим вниманием следят за данной дискуссией. Так, политолог Дарья Платонова пишет на платформе «fit4Russland», что в неолиберальном мире «парламенты и демократические институты станут ненужными», а демократии превратятся в «либеральные тоталитарные режимы». Рост популярности популистских партий является ответом на «кризис либерально-демократической глобалистской политики». Эти партии вернут людям право голоса и смогут объединить традиционные ценности патриотических правых с идеей социальной справедливости.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что представители таких партий как «Альтернатива для Германии» ищут поддержки в России – сильном центре, существующем рядом с «якобы слабой, разваливающейся Европой, управляемой извне».

Похоже, что «российский президент становится для многих недовольных символом противоположной модели», которая позволяет выплеснуться всей злобе по отношению к действующим партиям Германии. «Быть за Россию – значит быть против тех, кто наверху».

«Меркель в Сибирь, Путина в Берлин», - скандировали демонстранты движения PEGIDA в Дрездене. И российский триколор всегда развевался в воздухе, когда звучали эти лозунги.

Россия же поддерживает тесные контакты с европейскими популистами и уже наладила полномасштабную коммуникационную сеть, как утверждает корреспондент журнала «Шпигель» Бенджамин Биддер. Представители чешской спецслужбы BIS даже говорят о том, что «Россия выстраивает

структуру, аналогичную по своей идее Коммунистическому Интернационалу». Российские блоггеры окрестили её «чёрным интернационалом».

«В этой атмосфере коллективного преклонения перед авторитаризмом укоренилось общее скептическое отношение к государству, укрепляемое и партией «Альтернатива для Германии».

Возможно, прав был Ральф Дарендорф, уже 20 лет назад предсказавший, что «XXI век может пройти под знаком авторитаризма».

Благодарю Вас за внимание и с нетерпением жду предстоящей дискуссии.

Йоханн Михаэль Мёллер